АЗБУКА ВЕРЫ

Андрей Платонов

Взыскание погибших

Художественная литература · azbyka.ru

Взыскание погибших – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/vzyskanie-pogibshih-platonov

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Взыскание погибших

Андрей Платонов

«Из бездны взываю».

Слова мертвых

Мать вернулась в свой дом. Она была в беженстве от немцев, но она нигде не могла жить, кроме родного места, и вернулась домой.

Она два раза прошла промежуточными полями мимо немецких укреплений, потому что фронт здесь был неровный, а она шла прямой ближней дорогой. Она не имела страха и не остерегалась никого, и враги ее не повредили. Она шла по полям, тоскующая, простоволосая, со смутным, точно ослепшим, лицом. И ей было все равно, что сейчас есть на свете и что совершается в нем, и ничто в мире не могло ее ни потревожить, ни обрадовать, потому что горе ее было вечным и печаль неутолимой – мать утратила мертвыми всех своих детей. Она была теперь столь слаба и равнодушна ко всему свету, что шла по дороге подобно усохшей былинке, несомой ветром, и все, что она встретила, тоже осталось равнодушным к ней. И ей стало еще более трудно, потому что она почувствовала, что ей никто не нужен, и она за то равно никому не нужна. Этого достаточно, чтобы умереть человеку, но она не умерла; ей было необходимо увидеть свой дом, где она жила жизнь, и место, где в битве и казни скончались ее дети.

На своем пути она встречала немцев, но они не тронули эту старую женщину; им было странно видеть столь горестную старуху, они ужаснулись вида человечности на ее лице, и они оставили ее без внимания, чтобы она умерла сама по себе. В жизни бывает этот смутный отчужденный свет на лицах людей, пугающий зверя и враждебного человека, и таких людей никому непосильно погубить, и к ним невозможно приблизиться. Зверь и человек охотнее сражаются с подобными себе, но неподобных он оставляет в стороне, боясь испугаться их и быть побежденным неизвестной силой.

Пройдя сквозь войну, старая мать вернулась домой. Но родное место ее теперь было пустым. Маленький бедный дом на одно семейство, обмазанный глиной, выкрашенный желтой краской, с кирпичною печной трубой, похожей на задумавшуюся голову человека, давно погорел от немецкого огня и оставил после себя угли, уже порастающие травой могильного погребения. И все соседние жилые места, весь этот старый город тоже умер, и стало всюду вокруг светло и грустно, и видно далеко окрест по умолкшей земле. Еще пройдет немного времени, и место жизни людей зарастет свободной травой, его задуют ветры, сровняют дождевые потоки, и тогда не останется следа человека, а все мученье его существованья на земле некому будет понять и унаследовать в добро и поучение на будущее время, потому что не станет в живых никого. И мать вздохнула от этой последней своей думы и от боли в сердце за беспамятную погибающую жизнь. Но сердце ее было добрым, и от любви к погибшим оно захотело жить за всех умерших, чтобы исполнить их волю, которую они унесли за собой в могилу.

Она села посреди остывшего пожарища и стала перебирать руками прах своего жилища. Она знала свою долю, что ей пора умирать, но душа ее не смирялась с этой долей, потому что если она умрет, то где сохранится память о ее детях и кто их сбережет в своей любви, когда ее сердце тоже перестанет дышать?

Мать того не знала, и она думала одна. К ней подошла соседка, Евдокия Петровна, молодая женщина, миловидная и полная прежде, а теперь ослабевшая, тихая и равнодушная; двоих

малолетних детей ее убили бомбой, когда она уходила с ними из города, а муж пропал без вести на земляных работах, и она вернулась обратно, чтобы схоронить детей и дожить свое время на мертвом месте.

– Здравствуйте, Мария Васильевна, – произнесла Евдокия Петровна.

– Это ты, Дуня, – сказала ей Мария Васильевна. – Садись со мной, давай с тобой разговор разговаривать. Поищи у меня в голове, я давно не мылась.

Дуня с покорностью села рядом: Мария Васильевна положила голову ей на колени, и соседка стала искать у нее в голове. Обеим теперь было легче за этим занятием; одна старательно работала, а другая прильнула к ней и задремала в покое от близости знакомого человека.

– Твои-то все померли? – спросила Мария Васильевна.

– Все, а то как же! – ответила Дуня. – И твои все?

– Все, никого нету, – сказала Мария Васильевна.

– У нас с тобой поровну никого нету, – произнесла Дуня, удовлетворенная, что ее горе не самое большое на свете: у других людей такое же.

– У меня-то горя побольше твоего будет: я и прежде вдовая жила, – проговорила Мария Васильевна. – А двое-то моих сыновей здесь у посада легли. Они в рабочий батальон поступили, когда немцы из Петропавловки на Митрофаньевский тракт вышли… А дочка моя повела меня отсюда куда глаза глядят, она любила меня, она дочь моя была, потом отошла от меня, она полюбила других, она полюбила всех, она пожалела одного – она была добрая девочка, она моя дочка, – она наклонилась к нему, он был больной, он раненый, он стал как неживой, и ее тоже тогда убили, убили сверху от аэроплана… А я вернулась, мне-то что же! Мне-то что же теперь! Мне все равно! Я сама теперь как мертвая…

– А что ж тебе делать-то: живи, как мертвая, я тоже так живу, – сказала Дуня. – Мои лежат, и твои легли… Я-то знаю, где твои лежат, – они там, куда всех сволокли и схоронили, я тут была, я-то глазами своими видела. Сперва они всех убитых покойников сосчитали, бумагу составили, своих отдельно положили, а наших прочь отволокли подалее. Потом наших всех раздели наголо и в бумагу весь прибыток от вещей записали. Они долго таково заботились, а потом уж хоронить таскать начали…

– А могилу-то кто вырыл? – обеспокоилась Мария Васильевна. – Глубоко отрыли-то? Ведь голых, зябких хоронили, глубокая могила была бы потеплее!

– Нет, каково там глубоко! – сообщила Дуня. – Яма от снаряда, вот тебе и могила. Навалили туда дополна, а другим места не хватило. Тогда они танком проехали через могилу по мертвым, покойники умялись, место стало, и они еще туда положили, кто остался. Им копать желания нету, они силу свою берегут. А сверху забросали чуть-чуть землей, покойники и лежат там, стынут теперь; только мертвые и стерпят такую муку – лежать век нагими на холоде…

– А моих-то – тоже танком увечили или их сверху цельными положили? – спросила Мария Васильевна.

– Твоих-то? – отозвалась Дуня. – Да я того не углядела… Там, за посадом, у самой дороги все лежат, пойдешь – увидишь. Я им крест из двух веток связала и поставила, да это ни к чему:

крест повалится, хоть ты его железный сделай, а люди забудут мертвых…

Мария Васильевна встала с коленей Дуни, положила ее голову к себе и сама стала искать у нее в головных волосах. И от работы ей стало легче; ручная работа лечит больную тоскующую душу.

Потом, когда уже свечерело, Мария Васильевна поднялась; она была старая женщина, она теперь устала; она попрощалась с Дуней и пошла в сумрак, где лежали ее дети – два сына в ближней земле и дочь в отдалении.

Мария Васильевна вышла к посаду, что прилегал к городу. В посаде жили раньше в деревянных домиках садоводы и огородники; они кормились с угодий, прилегающих к их жилищам, и тем существовали здесь спокон века. Нынче тут ничего уже не осталось, и земля поверху спеклась от огня, а жители либо умерли, либо ушли в скитание, либо их взяли в плен и увели в работу и в смерть.

Из посада уходил в равнину Митрофаньевский тракт. По обочине тракта в прежние времена росли ветлы, теперь их война обглодала до самых пней, и скучна была сейчас безлюдная дорога, словно уже близко находился конец света и редко кто доходил сюда.

Мария Васильевна пришла на место могилы, где стоял крест, сделанный из двух связанных поперек жалобных, дрожащих ветвей. Мать села у этого креста; под ним лежали ее нагие дети, умерщвленные, поруганные и брошенные в прах чужими руками.

Наступил вечер и обратился в ночь. Осенние звезды засветились на небе, точно, выплакавшись, там открылись удивленные и добрые глаза, неподвижно всматривающиеся в темную землю, столь горестную и влекущую, что из жалости и мучительной привязанности никому нельзя отвести от нее взора.

– Были бы вы живы, – прошептала мать в землю своим мертвым сыновьям, – были бы вы живы, сколько работы поделали, сколько судьбы испытали! А теперь что ж, теперь вы умерли, – где ваша жизнь, какую вы не прожили, кто проживет ее за вас?.. Матвею-то сколько ж было? Двадцать третий шел, а Василию двадцать восьмой. А дочке было восемнадцать, теперь уж девятнадцатый пошел бы, вчера она именинница была… Сколько я сердца своего истратила на вас, сколько крови моей ушло, но, значит, мало было, мало было одного сердца моего и крови моей, раз вы умерли, раз я детей своих живыми не удержала и от смерти их не спасла… Они что же, они дети мои, они жить на свет не просились. А я их рожала – не думала; я их родила, пускай сами живут. А жить на земле, видно, нельзя еще, тут ничего не готово для детей: готовили только, да не управились!.. Тут жить им нельзя, а больше им негде было, – что ж нам, матерям, делать-то, и мы рожали детей. А иначе как же? Одной-то жить небось и ни к чему.

Она потрогала могильную землю и прилегла к ней лицом. В земле было тихо, ничего не слышно.

– Спят, – прошептала мать, – никто и не пошевельнется, – умирать было трудно, и они уморились. Пусть спят, я обожду – я не могу жить без детей, я не хочу жить без мертвых…

Мария Васильевна отняла лицо от земли; ей послышалось, что ее позвала дочь Наташа; она позвала ее, не промолвив слова, будто произнесла что-то одним своим слабым вздохом. Мать огляделась вокруг, желая увидеть, откуда взывает к ней дочь, откуда прозвучал ее кроткий голос – из тихого поля, из земной глубины или с высоты неба, с той ясной звезды. Где она сейчас, ее погибшая дочь? Или нет ее больше нигде и матери лишь чудится голос Наташи, который звучит воспоминанием в ее собственном сердце?

Мария Васильевна снова прислушалась, и опять из тишины мира прозвучал ей зовущий голос дочери, столь удаленный, что был подобен безмолвию, и, однако, чистый и внятный по смыслу, говорящий о надежде и радости, о том, что сбудется все, что не сбылось, а умершие возвратятся жить на землю и разлученные обнимут друг друга и не расстанутся более никогда.

Мать расслышала, что голос ее дочери был веселый, и поняла, что это означает надежду и доверие ее дочери на возвращение к жизни, что умершая ожидает помощи живых и не хочет быть мертвой.

«Как же, дочка, я тебе помогу? Я сама еле жива, – сказала Мария Васильевна; она говорила спокойно и вразумительно, словно она находилась в своем доме, в покое, и вела беседу с детьми, как бывало в ее недавней счастливой жизни. – Я одна не подыму тебя, дочка; если б весь народ полюбил тебя, да всю неправду на земле исправил, тогда бы и тебя, и всех праведно умерших он к жизни поднял: ведь смерть-то и есть первая неправда!.. А я одна чем тебе помогу? Сама только умру от горя и буду тогда с тобой!» Мать долго говорила своей дочери слова разумного утешения, точно Наташа и два сына в земле внимательно слушали ее. Потом она задремала и уснула на могиле.

Полночная заря войны взошла вдалеке, и гул пушек раздался оттуда; там началась битва. Мария Васильевна проснулась, и посмотрела в сторону огня на небе, и прислушалась к частому дыханию пушек. «Это наши идут, – поверила она. – Пусть скорее приходят, пусть опять будет советская власть, она любит народ, она любит работу, она всему научает людей, она беспокойная; может – век пройдет, и народ научится, чтоб мертвые стали живыми, и тогда вздохнет, тогда обрадуется осиротелое сердце матери».

Мария Васильевна верила и понимала, что все так и сбудется, как она желала и как ей было необходимо для утешения своей души. Она видела летающие аэропланы, а их тоже трудно было выдумать и сделать, и всех умерших можно возвратить из земли к жизни на солнечный свет, если б разум людей обратился к нужде матери, рождающей и хоронящей своих детей и умирающей от разлуки с ними.

Она снова припала к могильной мягкой земле, чтобы ближе быть к своим умолкшим сыновьям. И молчание их было осуждением всему миру-злодею, убившему их, и горем для матери, помнящей запах их детского тела и цвет их живых глаз...

К полудню русские танки вышли на Митрофаньевскую дорогу и остановились возле посада на осмотр и заправку; они теперь не стреляли вперед себя, потому что немецкий гарнизон погибшего городка уберегся от боя и загодя отошел к своим войскам.

Один красноармеец с танка отошел от машины и пошел походить по земле, над которой сейчас светило мирное солнце. Красноармеец был уже не столь молод, он был в летах, и он любил посмотреть, как живет трава, и проверить – существуют ли еще бабочки и насекомые, к которым он привык.

Возле креста, связанного из двух ветвей, красноармеец увидел старуху, приникшую к земле лицом. Он склонился к ней и послушал ее дыхание, а потом повернул тело женщины навзничь и для правильности приложился еще ухом к ее груди. «Ее сердце ушло», – понял красноармеец и покрыл утихшее лицо покойной чистой холстинкой, которую он имел при себе как запасную портянку.

«Ей и жить-то уж нечем было: ишь как тело ее голод и горе сглодали – кость сквозь кожу светится наружу».

– Живи пока, – вслух сказал красноармеец на прощанье. – Чьей бы ты матерью ни была, а я без тебя тоже остался сиротой.

Он постоял еще немного, в томлении своей разлуки с чужой матерью.

– Темно тебе сейчас, и далеко ушла ты от нас… Что же делать-то! Сейчас нам некогда горевать по тебе, надо сперва врага положить. А потом весь мир должен в разуменье войти, иначе нельзя будет, иначе – все ни к чему!..

Красноармеец пошел обратно. И скучно ему стало жить без мертвых. Однако он почувствовал, что жить ему теперь стало тем более необходимо. Нужно не только истребить намертво врага жизни людей, нужно еще суметь жить после победы той высшей жизнью, которую нам безмолвно завещали мертвые; и тогда, ради их вечной памяти, надо исполнить все их надежды на земле, чтобы их воля осуществилась и сердце их, перестав дышать, не было обмануто. Мертвым некому довериться, кроме живых, – и нам надо так жить теперь, чтобы смерть наших людей была оправдана счастливой и свободной судьбой нашего народа и тем была взыскана их гибель.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch